

Козаков Михаил
(актер)

26.04.03.

Время МК. — 2003. — 26 апр. — с. 7.

Лир навсегда

Сегодня в Театре им. Моссовета премьера «Короля Лира». Постановка художественного руководителя театра Павла Хомского, Лира играет Михаил Козаков. Что заставило их в наши дни обратиться к трагедии Шекспира, главные герои спектакля рассказали накануне премьеры.

Павел Хомский: «Указательного перста не будет»

— У вас на сцене — люди, манекены, машины... Рабочий образ?

— Манекены — часть нашей жизни. И в прямом смысле, и в переносном — манекенами становятся люди на службе, к которым нельзя обратиться с человеческим словом, потому что ответ получишь формальный. Но это общее рассуждение. Не должно быть указательного пальца, каждый зритель вправе, глядя на сцену, фантазировать по-своему. Мы хотели играть эту пьесу исходя из следующей мысли: все, что в ней происходит, происходило когда-то, по большому счету происходит сейчас и, вероятно, будет происходить до тех пор, пока люди живы. Поэтому мы берем сегодняшние конструкции — они дают ощущение той цивилизации, в которой мы живем. И частью этой цивилизации является автомобильная свалка. Пьеса ведь не привязана к какому-то конкретному времени. Ее сценическая история это доказала: Шекспира играли и в современных костюмах, и в елизаветинских, и в древних. Там трудно определить эпоху: Лир то клянется языческими богами и Аполлоном, то высказывает совершенно как христианский король. Время для Шекспира значения не имело.

— А как быть с IX веком до нашей эры, легендарно относимым ко времени действия пьесы?

— Это условно. И кто сказал про IX век до нашей эры?

— На первой странице пьесы написано.

— С текстом это никак не сходится. Идет ли речь о «Гамлете», «Макбете», «Ромео» или «Короле Лире» — о пьесах первого ряда, о главных творениях Шекспира, временных расхождений можно найти очень много. Потому что у самого Шекспира время действия было достаточно условно.

— Когда появилась идея по-

ставить «Короля Лира», фигура Михаила Козакова возникла параллельно?

— «Короля Лира» я давно собирался ставить. Еще лет тридцать назад, если не больше, когда работал в Театре юного зрителя, заявил его. Но мне тогда запретили — сказали, что это пьеса не для ТЮЗа, а если хотите ставить Шекспира — ставьте «Ромео и Джульетту». Я пытался спорить: ну как же так, наоборот, в «Ромео» есть постельная сцена, между прочим, это не совсем для юных зрителей, а в «Короле Лире» ничего подобного нет... Эти сложности репертуарные и привели к тому, что я ушел из ТЮЗа. Сейчас и ТЮЗ, и бывший Детский — Молодежный театр — разумно строят репертуар: ставят серьезные пьесы, которые раньше не относили к детскому репертуару, и правильно делают — актерам интересно, кругозор зрителей расширяют... А когда я пришел уже в Театр Моссовета, я собирался ставить пьесу с Леонидом Марковым. Мы к этому прищипывались, говорили о Лире, но, к сожалению, он очень рано ушел, и идея повисла в воздухе. А поскольку мы с Козаковым связаны — он играет у нас Шейлока в «Венецианском купце», мы часто общаемся, знакомы еще совсем с древних времен, выяснилось, что он думает об этой роли, а я хочу поставить эту пьесу. А Козаков сотрудничает с нашим театром и играет у нас одну роль — почему бы ему не сыграть и вторую?

— Сильно ли мешал режиссер Михаил Козаков режиссеру Павлу Хомскому?

— Я не могу сказать, что он мешал. У нас иногда возникали творческие споры, но это естественно. Началу репетиций предшествовали наши встречи и выяснения позиций. Принципиальных расхождений у нас не было. Как и в любом спектакле, актер, играющий главную роль, не просто исполнитель воли режиссера — он союзник, решения с которым возникают вместе.

— В спектакле дочерей Лира

Михаил Козаков может сыграть многое. В том числе и Короля Лира

играют и актрисы, и маленькие девочки. Чьи это дети? Насколько маленькие?

— Самой младшей — пять с небольшим. Это дочка нашей актрисы И. Максимкиной. Прелестная девочка, а главное, смелая для своего возраста. Самой старшей — десять. Девочек всего будет шесть — два состава. Они появляются на сцене и когда Лир делит королевство, и в финале, когда он выносит мертвую Корделию, он выносит маленькую девочку. Потому что... Потому что для родителей дети всегда остаются маленькими.

— Что вам проще: объяснить задачу профессиональному артисту или ребенку?

— Поскольку задачи у детей не сложные, то у нас с ними проблем не возникало. С актерами, конечно, были. Ведь в каждой пьесе Шекспира много таинственных или мистических вещей заложено. Рукописей Шекспира нет — в природе не существует, все тексты, которые мы имеем, — это такие варианты помощника режиссера, когда что-то записывается во время спектакля. То есть там встречается и отсебятина, и нечто внесценное исполнителями, которые ряд реплик переиначивали или подгоняли. Никто же не относился тогда к этому как к классике. Вот сию

минуту он нам что-то написал, а я считаю, здесь лучше так сказать, и я скажу. И поскольку все записывалось по ходу, то наверняка мы не можем знать, все ли слова в этих пьесах принадлежат самому Шекспиру.

Михаил Козаков: «Маленьких мы любим больше»

— Железные конструкции, разбитые автомобили... Вы уютно себя чувствуете в таких конструктивистских декорациях?

— Мне они нравятся. Они напоминают и Тауэр, и Лондон, и вообще достаточно многомерны.

— Для вас «Король Лир» пьеса современная или вневременная?

— И вневременная, и современная — это ветхозаветная история, переходящая в Новый Завет.

— Ваш Лир, имея взрослых дочерей, часто видит перед собой трех маленьких девочек, которых он родил. Это ваше решение роли?

— Мы два года с Павлом Осиповичем Хомским работаем, и уже разделять на «его» и «мое» я не хочу. Конечно, я не пустой пришел... У меня у самого пять детей, и часто я их вижу маленькими, когда беседую, спорюсь, спорю или просто смотрю. Думаю, Господи, ведь ты же была такая ма-

льшка, когда я тебя из роддома принес... Это общечеловеческие вещи. Когда убивают, и ты прощаешься, ты расстаешься не только с взрослым человеком — уходит тот, дорогой, маленький. Мы же маленьких-то любим всегда больше.

— Дети вас ставили в положение пусть не такое трагическое, но хотя бы отдаленно напоминающее «Короля Лира»?

— Всяко в семье бывает. Слава Богу, сейчас лучше. Ну, и я был не прав. Но это очень понятно — конфликты отцов и детей.

— Личное в роли помогает?

— Всегда питаешься от себя. Не обязательно от детей — сколько людей предавало тебя, которым ты делал добро. Что, у меня нет учеников, которым я сделал много добра в свое время, а они потом забыли, что я существую на свете... Но все неоднозначно. Потому что и в Лире есть изначально большая гордыня. Да, он уходит от этой гордыни и приходит к покаянию, но вначале он абсолютный диктатор. И вот это движение через страдания к молитве, а потом к истине для меня самое главное в роли.

— А если бы король Лир был дипломатом?

— Это была бы другая пьеса. Он совсем не дипломат. Он человек добрый, но притом вспыльчивый, гневный, самодур.

— Чьи муки горше: тени отца Гамлета, которую вы играли у Штайна, или отца Лира?

— Тень отца Гамлета — условная фигура, знаковая роль. Лир гораздо емче, и муки Лира прекрасны тем, что через них он приходит к истине. И как только он приходит к истине, он умирает. Как и каждый человек.

— Меркантильный вопрос можно? Шейлока вы в Театре Моссовета репетировали бесплатно...

— Ну почему, какие-то копейки получил.

— Каково же будет вознаграждение за Лира?

— Четыре тысячи рублей в месяц — зарплата народного артиста. Но не в деньгах же дело.